

С.В. Стахорский

Присыпкин

Герой «феерической комедии» В.В. Маяковского «Клоп», он же Пьер Скрипкин, «бывший рабочий, бывший партиец, ныне жених». Образ Присыпкина представляет собой модификацию распространенного комедийного типа. Среди его театральных предшественников можно назвать, например, Журдена. Если герой Мольера являл собой мещанина во дворянстве, то Присыпкин демонстрирует пролетария во мещанстве. Оба персонажа, выражаясь идеологемами 1920-х годов, перерожденцы, изменившие своему сословию, но не способные расстаться с его понятиями и житейскими представлениями. Подобно Журдену, Присыпкин постоянно попадает впросак, производит путаницу, обеспечивающую комедийный эффект. Так, оказавшись в универмаге, при виде бюстгальтеров Присыпкин восторженно (по ремарке) восклицает: «Какие аристократические чепчики!» В то же время этот «летающий пролетарий», осевший в нэпманском гнезде семейства Ренесанс, преисполнен глобальных притязаний своего класса, которые он экстраполирует на теперешние условия собственного существования: «Я человек с крупными запросами. Я — зеркальным шкафом интересуюсь...»

Время действия первой части комедии — 1929 год. Основное сюжетное обстоятельство — женитьба Присыпкина на Эльзевире Ренесанс. Развязка почти апокалипсическая: «красная свадьба» сгорает в пожаре, учиненном пьяными гостями. События второй части разворачиваются пятьдесят лет спустя, в 1979. Место действия — федерация мира, утопическая республика, в которой воплотился идеал технократической цивилизации, где никто не знает, что такое «буза, бюрократизм, богоискательство, бублики, богема, Булгаков», где рукопожатия отменены как «антисанитарный обычай древности», где никто не страдает влюбленностью и сексуальная энергия «разумно распределяется», где давно позабыли о водке и табаке. В этом стерилизованном обществе обнаруживается Присыпкин, чудом спасшийся во время пожара и замороженный на пятьдесят лет. Появление Присыпкина приводит федерацию мира к полнейшей катастрофе. В ней распространяются эпидемии давно забытых болезней — подхалимства, влюбленности («острая болезнь древности»); возрождаются гитара и фокстрот. «Эпидемия океанится», и уже 520 рабочих попадают в клинику с приступами тяги к пиву.

Первые критики комедии были буквально ошарашены картиной будущего, показанной Маяковским. «Само изображение людей будущего общества, — писал С. Мокульский, — отдает весьма неприятным, я готов сказать, антисоветским душком». Комедию назвали «злостным памфлетом на социалистический строй», автора же обвинили в «идеологическом срыве». Позднее, когда Сталин назвал Маяковского «лучшим и талантливейшим», все эти обвинения были переадресованы постановщику спектакля В. Мейерхольду, и тот, надо заметить, их принял на собственный счет. Режиссер намеревался поставить «исправленную» версию комедии, показав во второй части ударников, стахановцев, полярников и прочие «достижения нашего строительства». Ударники и стахановцы давали единодушный отпор замороженному Присыпкину, и никаких эпидемий, от него исходящих, разумеется, не было. Другая попытка «выправления» комедии, также неосуществленная, принадлежала А. Таирову: показать «будущее» как сон Присыпкина.

Все эти идеологические коррективы, предлагавшиеся режиссерами и многими критиками, противоречили замыслу «феерической комедии», ядро которого заключено в образе Присыпкина. Герой Маяковского — фигура, с одной стороны, узнаваемая на литературно-художественном фоне 1920-х годов, с другой — отличная. У Присыпкина много общего, например, с персонажами Н. Эрдмана: Гулячкин («Мандат»), Подсекальников («Самоубийца»). Каждый из этих героев на свой лад пытается само-

утвердиться в социальном пространстве, заняв в нем местечко, приемлемое для сносного житья; каждый ищет комфорт и уют, для достижения которых использует все, что нынче в цене, — мандат, пролетарское происхождение. Схожие «предлагаемые обстоятельства» и похожие герои получают полярные истолкования. Эрдман относится к своим персонажам если не с сочувствием, то во всяком случае с пониманием, что придает их характерам живость, психологическую достоверность и в известном смысле драматизм. У Маяковского превалируют «не живые люди, а оживленные тенденции» (слова поэта из его предуведомления к комедии «Баня»). Такой «оживленной тенденцией», аллегорией, олицетворяющей бациллу мещанства, выступает Присыпкин, над которым Маяковский производит ряд лабораторных опытов, помещая означенную бациллу в разные среды: сначала в бытовую (современную), затем в фантастическую и утопическую (будущее). Интерес поэта сосредоточен не столько на герое, сколько на среде: как она поведет себя в ходе эксперимента, примет ли клопа или отторгнет. Вывод поэта, пережившего глубокий идейный кризис, потерявшего былую веру в футуристически-лефовские утопии (вторая часть комедии — это прежде всего пародия на них), мрачно взирающего на Советскую Россию, «крашенную рыжим, а не красным», этот вывод глубоко пессимистичен: бацилла живуча. Оттого Присыпкин в финале, выйдя за рампу по закону античной парабасы, орет «во весь голос», обращаясь к зрительному залу: «Свои! Родные! Откуда? Сколько вас?! Когда же вас всех разморозили?» Оттого-то «Клоп» — название всей комедии, а не первой лишь ее части.

Первым исполнителем роли Присыпкина в спектакле, поставленном Мейерхольдом на сцене ГостИМа (1929), был И. Ильинский. Комедия была воплощена в балете (хореограф Л. Якобсон, две версии — 1962 и 1974, последняя на музыку Д. Шостаковича).